

ПОТЕРПИ!

Мой двоюродный дед был Городским Головой города Грозного. Его собственный прессовый завод «Молот» был известен далеко за пределами Чечни. Он был интересным статным мужчиной. Он нравился многим женщинам, но сердце своё он отдал одной - терской казачке по имени Марфа. Женщина была красива и своенравна. Он старался окружить её теплом и уютом. Мечтал о большой семье, и сердце его радостно билось в предвкушении. Но началась революция, а за ней и Гражданская война. Город переходил из рук в руки, пока, наконец, не заалел красными флагами. Шло время. Теперь он проходил мимо, когда-то, своего завода «Красный молот» – так теперь будет он называться. В Управе его кабинет занимал уже другой человек. Потом и управа стала исполкомом. И вот, наконец, у него родилась дочка. Они уже жили в Тифлисе. Он назвал её в честь грузинской царицы. Тамара не отличалась хорошим здоровьем, но дух её уже в детстве был сильным. Так случилось, что не суждено ей было наслаждаться нежной родительской любовью. Она осталась с матерью и лишь изредка виделась с отцом. Её любовь к нему была взаимной. Он очень страдал от одиночества и неразделённой любви, терзая своё слабое сердце. Вскоре на кладбище появилась табличка - Николай Павлович Лисицев.

Фамилия досталась от прадеда, который, бежав от армянского погрома в Турции, осел в Моздоке, где вскоре стал градоначальником. Настоящую его фамилию я не знаю. В войну на этом направлении шли ожесточённые бои и Моздок, в результате фашистских авиаударов, был сильно разрушен и городской архив сгорел. Тамара тоже была Лисицева, однако её двоюродная сестра, восходящая звезда Ленинградской оперы Изабелла, сделав свою фамилию более сценической, подала пример остальным членам клана. Отныне появилась новая, доселе не встречающаяся фамилия, – Лисициан. Изабелла Лисициан умерла на самом взлёте своей карьеры, оставив после себя сноп искр, многие из которых засверкали в будущем новыми именами.

Терская казачка Марфа была человеком строгого нрава, и маленькая Тамара вскоре это хорошо на себе почувствовала. Отношения их не были столь тёплыми и доверительными, какие раньше были у неё с отцом. Она замыкалась в себе и находила утешение в книгах.

Шло время. Она поступила в ГИТИС и переехала в Москву. Там влюбилась. Он был сыном будущего генерального секретаря коммунистической партии Италии. Его вывезли вместе с другими из фашистской Италии. Она всегда мечтала о театре, и будущее светлело впереди. Однако вскоре на его фоне появились точки, много чёрных зудящих точек. Ворвалась война. В военкомате она записалась добровольцем. Учítывая, что перед ним стоит чемпионка Грузии по стрельбе, самбистка владеющая основами немецкого языка, военком принял её, и она прошла курсы подрывника и радиста. Вскоре, получив задание, она с группой уже летела в тыл немцев. И сразу же первая неудача – самолёт пролетел заданную точку на 100 километров дальше. Люк открылся, и она ринулась вниз навстречу своим испытаниям. Один из грузовых мешков группы упал прямо на занятое немцами село. Началось прочёсывание леса. Тамара пошла на разведку и, оценив ситуацию, решила отвлечь немцев от всей группы и сама вышла к ним. Её стали допрашивать и она рассказала, что в лес были сброшены отряд с двух самолётов, что она оказалась там, т.к. для неё это была единственная возможность найти своего любимого, с которым она познакомилась ещё в Можайске. Это был немецкий солдат, от которого она перестала получать письма. Опасаясь крупного боя, немцы решили дождаться подкрепления и потеряли время. Били её полицаи, били страшно. Платье во многих местах вошло в тело. Придерживаясь легенды, она стояла на своём. Чувство ярости и ненависти в ней было настолько велико, что она поняла, что сможет выдержать любую пытку. Экзекуция повторялась ещё не раз. Она твердила одно и то же. Её бросили в камеру. Очных ставок не было, и она поняла, что группе удалось скрыться. Проходили дни, недели. Режим ей ослабили, раны зажили. Она могла выходить гулять по огороженной территории. На неё заглядывался немецкий офицер, и они иногда

разговаривали. Немецкий она учила в школе и воспользовалась случаем его улучшить. Неопределённость, однако, пугала. Её отвезли в Мозырь. Допрашивал её очень вежливый немец, и беседа была странной. Его вопросы не были целенаправленными, он, как-будто, прощупывал её. Вежливо попрощавшись, он вышел. Резюме было страшным – расстрел. Её отвезли обратно. Вошёл знакомый офицер и сказал, что её переводят в лагерь из другого ведомства, и, что теперь она в их компетенции и, скорее всего, документы с приговором ему удастся задержать. Он спас ей жизнь, и она навсегда запомнила его имя. Везли её очень долго и вот грузовик остановился. Житомир. Её ввели в комендатуру в кабинет знакомого того, кто спас её. Говорил он с ней доброжелательно и попросил пересказать свою историю. Теперь ждать. Её отвели в одиночку с правом выходить на прогулку. Через несколько дней начались допросы и избиения. Опять её били полицаи – немцы не марали своих рук. Ей выбили зубы. В камеру её каждый раз волок один и тот же тюремщик. Он знала его имя.

Через много лет они случайно встретились на мосту во Флоренции. Он ещё был далеко, когда она узнала его. Прошлое опустилась и мост потемнел. Вы Альфред Камм. Из Кёльна. Он вздрогнул, глаза его широко раскрылись. Она поняла, что он вспомнил её. «Нет! Нет!» – дико закричал он и побежал прочь. Опять стало светло – она стояла одна на мосту во Флоренции.

Через неделю её привели в комнату, где сидели офицеры СС и СД. Ей показали фотографию. Её немец, жених по легенде, неправильно надписал на фото своё имя. Роковая ошибка изготовителей пакета документов для разведчиков из советской военной разведки. Она всё отрицала, приводя все возможные доводы. Приговор – расстрел. Уже второй. Однако за неё заступился тот, к кому её привезли в Житомир. Ему удалось убедить других офицеров заменить расстрел лагерем. Последний этап. Ворота раскрылись и её ввели в лагерь советских военнопленных. Жизнь остановилась – она попала в ад. Два месяца она провела в этом лагере, потом всех перевели в Славуту – в один из самых страшных лагерей на Украине. Время медленно плелось вперёд. Часто мимо них вели группы евреев на расстрел. Они пели. Звучали автоматные очереди и крики. Потом одиночные контрольные pistolетные выстрелы. Спустя время, немецкий конвой молча возвращался, неся с собой последние их ценности. Она уже видела, что делают с евреями. Прибывал эшелон, битком набитый этими несчастными. Около дверей стояли полицаи. Звучала команда. Двери открывали и оттуда выволакивали евреев и начинали избивать чем попало. Полицаи не разбирали кто перед ними, мужчины, женщины, старики, дети. Начинала течь кровь, которая превращалась в ручеек. Немцы отодвигались, чтобы не замараться. Стоял дикий вой избиваемых и жуткий мат полицаев. Потом людей сортировали и вели на расстрел. Трупы убирала лагерники. В бараках свирепствовал тиф и голод. Военнопленные умирали сотнями. Тамара тоже заболела. Единственную девушку в мужском лагере выходили. Кормили, в основном, картофельными очистками. Через полгода, находясь на грани истощения, она совершила побег с двумя товарищами. Ели ягоды и сыроежки. Они вышли на партизан и ещё долго сражались с врагом. Здесь она впервые убила человека. Это был молоденький красивый мадьяр, он целился в неё. Она схватила ружьё и, не целясь, уложила его наповал. Когда кончился бой, она подошла к нему. Он лежал мёртвый, с широко раскрытыми ярко-голубыми глазами. Она долго смотрела на него.

После контузии её перебросили в Москву. Наконец Москва. Её непосредственного командира не было и её начали проверять. Её не били, но не давали спать и заставляли подробно описывать свою жизнь в тылу у немцев. И так беспрерывно заново описывать одно и то же. Через несколько дней без сна она почувствовала, что начинает сходить с ума. Её в который раз повели на допрос. Она стала кричать на сидевшего перед ней генерала, что он наверняка просидел в тылу, пока она пускала под откос фашистские поезда и ещё смеет её проверять. Всё поплыло у неё перед глазами, и она схватилась за спинку стула, чтобы не упасть; сквозь шум в ушах она услышала – успокойтесь, вы свободны, вот ваш пропуск. Её выпустили ночью, она вышла на улицу и, как пьяная, засыпая на ходу, дошла до своего дома. Не раздеваясь, упала на кушетку. Через двое суток она проснулась, как и заснула – в пальто и

в сапогах. Война кончилась, но она ещё долгие годы кричала во сне.

Они встретились опять, как до войны, гуляли ночи напролёт и поклялись друг другу быть всегда вместе. Ей долго не давали визу, однако итальянская компартия набирала силу, и было принято решение не волновать заместителя самого Пальмиро Тольятти.

Рим, Неаполь, Венеция, Флоренция, Милан. На 5 лет они стали её городами. Родился сын Сандро. А потом его отец забыл про клятву. И тогда она с сыном вернулась в Москву.

Ей советовали отказаться от итальянского гражданства, но она отвечала, что развелась с мужем, но не с Италией. Ещё в Италии, работая в Совэкспортфильме, и, познакомившись с Феллини, Висконти, Дзефирелли, Пазолини, она решила поступать во ВГИК. Окончив его, она сделала свою первую работу в качестве кинорежиссёра. Это был фильм для детей и назывался он «Сомбреро». За первым фильмом пошли другие. Среди них были фильмы по сценарию её близкого друга Джанни Родари. В её фильмах снимались Смоктуновский, Лавров, Басов, многие другие актёры. Она была непревзойдённым мастером итальянского синхронного перевода.

Вскоре вышла замуж за хорошего человека. Он был фронтовик и её оператор. С ним она прожила много лет.

Она первая сняла фильм про канадских духоборов. Её заинтересовала история масонства, и она начала снимать фильм «Тайна виллы Грета». Ей стали звонить и угрожать. Но она прошла ад и знала, что хуже уже не будет. Угрозы так и остались угрозами. Потом от инфаркта умер её Сандро. Этот удар был самым страшным. Она стала молиться.

Часто бывала в Италии – там жили близкие ей люди. Много путешествовала. С итальянским паспортом это было просто. Но каждый раз 9 мая, она шла на встречу со своими, и надевала свои награды. Друзья уговаривали её написать книгу о своей жизни. Она не соглашалась, не хотела ничего вспоминать. А потом села и начала писать. Назвала «Нас ломала война». Вскоре книга вышла в свет. И здесь она победила, оказалась сильнее своего прошлого, не побоялась вспомнить насильно забытое.

Умер её муж и она осталась одна. Как-то обнаружила, что награды её пропали. Её родственница призналась в краже, но так их и не отдала, сказала, что она ведь ей оставила документы на них. Об этом я узнал после её смерти. Ей самой было стыдно сказать мне об этом. В последние годы она общалась с митрополитом Волгоградским и Камышинским Германом. Он иногда навещал её. Она плохо ходила, мучила астма, болели ноги, слабело сердце. Однако, как всегда, продолжала бороться. Лишь однажды она призналась ему, что устала и ей очень трудно. Он ответил: «Потерпи». Через несколько месяцев она умерла.

Я не встречал более сильного человека, она никогда не плакала. Она ненавидела ложь, трусость и несправедливость. Характер у неё был довольно жёсткий. Но, как личность, она была столь значительной, что не на пустом месте была уверена в правильности своей точки зрения, особенно в вопросах морали. Она была верна чувству дружбы и долга. Тамара Николаевна Лисициан. Её нет, погас свет яркого луча, который шёл от сильнейшей энергии её духа. У неё была очень трудная жизнь, она прошла тяжкие испытания, к концу жизни, почти ослепла, но лишь незадолго до её смерти Владыко открыл ей одну из вечных истин бытия: «Потерпи».

март 2013 г. Кёльн